

АБ

Альманах *Ветусь VIII*
библиофила

ДВНАДЦАТЬ
Январь
1918 года
(Сергиев)

«X»
Двадцать ^{слова} ¹⁷
Вот двенадцать ~~всех~~
Какая ~~всего~~ ~~года~~,
Вот ~~д~~
Какая ~~и~~ ~~мал~~.

~~Али не могу сказать,~~
~~Ты не видишь, как я пишу!~~
~~Двадцать двенадцать,~~
~~А двенадцать двенадцать.~~
Все вышло / вышло
на издании ~~гана~~.

РУКОПИСЬ ПОЭМЫ
А. БЛОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»

ЛЮБИТЕЛИ КНИГ И КНИЖНЫЕ ВОРЫ

Альбер Сим (1845—1924) — французский литератор, выходец из Польши (настоящая фамилия — Симоховский). Сотрудничал во многих газетах, написал несколько романов и книг для юношества. Наиболее известны его популярные произведения о литературе, писателях и книгах. Среди них — «Библиотека» (1902), «Книга» (т. 1—5, 1905 — 1908), «Карманный учебник любителя книги» (1908) и др. Брошюра «Любители книг и книжные воры», публикуемая здесь с сокращениями, вышла в свет в 1903 г.

1

*Любители одалживать книги и не возвращать их владельцу:
Кража книг из любви к книгам. Ричард де Бюри. — Андре
Тирако. — Иннокентий X. — Даниель дю Мустье. — Кардинал
Пассионеи. — Доктор Р., бывший член Конвента Куртуа.*

«Из всех тварей, созданных господом, библиофил, без сомнения, самая эгоистичная и самая жестокая», — сказал один остроумный человек¹, который, впрочем, произнося свой безжалостный и неумолимый приговор, забыл о «Поисках Абсолюта» Бальзака и о всех изобретателях, а также всех влюбленных и всех, кто стремится чем-нибудь обладать — деньгами, женщиной или властью.

Влюбленные в книгу дорожат своими сокровищами; они идут на любые хитрости, чтобы овладеть ими, и с трудом могут с ними расстаться. И что тут удивительного? Ведь книги, выпущенные их владельцем из рук, возвращаются назад еще реже, чем одолженные деньги.

«Книги, отданные кому-то на время, никогда не возвращаются назад... Прекрасно! Поэтому все книги, которые вы здесь видите, — это книги,

¹ Edmond Texier, ap. Mouravit, le Livre et la Petite, Bibliotheque d'amateur, p. 129.

которые мне дали почитать и которые я оставил у себя»,– ответил один библиофил своему гостю, отважившемуся было попросить у него какой-то фолиант. Так гласит легенда – скорее забавная, чем правдивая.

Шарль Нодье и его друг Жильбер де Пиксерекур не заходили так далеко и были более совестливы. Они ограничивались мудростью, выраженной в двустишии, которое приписывают каждому из них и которое, в самом деле, могло принадлежать и тому и другому:

Печальна книг судьба, одолженных у нас.
Потеряны они, испорчены подчас.

Во всяком случае, несомненно, что для библиофилов любители зачитывать книги гораздо опаснее, чем крысы, мыши, моль, вода и огонь.

Ite ad vendentes! – выгравировал Скалигер на фронтоне своей библиотеки. Да, «Идите и купите сами», а мои книги оставьте в покое.

«Черт бы побрал всех, кто одалживает книги!» Таков был один из шуточных девизов, которыми циничный и образованный художник эпохи Людовика XIII дю Мустье украсил обложки своих книг и вход в свою библиотеку, находившуюся в Лувре.

Его современник Гильом Коллете выразил то же чувство с большим изяществом и утонченностью в прелестных, много раз цитированных стихах:

О наслажденья сердца моего!
Меня не оставляйте одного.
Увидеть вас любой имеет право,
Однако с вами не разлучит, право,
Мне каждая из вас жены родней,
Смотреть – смотри! Но ею не владей.

Среди любителей зачитывать книги называют моралиста Николя. «Он не слишком стремился возвращать книги, которые брал почитать», – пишет о нем Сент-Бев.

Но более того, страсть к книгам зачастую приводит к самому настоящему воровству; пусть иногда это случается бессознательно, но библиофил становится вором. Многие люди, как подметил еще Таллеман де Рео, склонны считать, что «воровать книги не означает воровать, если ты потом не продаешь их».

Ричард де Бюри, автор «Филобиблиона» (1340), называемого «самым древним средневековым сочинением по библиомании», признается, что в то время, когда он был канцлером и хранителем казны при дворе Эдуарда III,

победоносного английского короля, все средства были, по его мнению, хороши, если речь шла о пополнении библиотеки. По милости короля, мы могли поступать, как нам заблагорассудится, и с богатыми, и с бедными, рассказывает он, и потому отбирали и у монастырей, и у частных лиц все рукописи, которые нам нравились.

Ученый юрист, названный Варроном своего времени, о котором Рабле пишет в «Пантагрюэле» в таких словах: «Добрый, ученый, мудрый, толстый и справедливый Андре Тирако, советник великого, победоносного и удачливого короля Генриха, второго с этим именем, стащил у монахов Премонтре экземпляр "Посланий" Цицерона, за что ему грозила виселица.

"Подумайте только, братья, — сказал он им, — ведь я испытывал большую нужду в Цицероне, и разве можно повесить достойного человека, произведшего за двенадцать лет на свет дюжину детей и дюжину томов ин-фолио"».

Число детей и томов росло с годами, и какой-то насмешник в конце концов наградил трезвого и «воздержанного» Тирако двусмысленной эпиграммой:

Тирако—мужчина сильный,
Тридцать сыновей родил.
Он же, на слова обильный,
Книг не меньше сотворил.
Если б в Лете не сгубил он
Силу пыла своего,
То весь мир бы наводнил он
Книгами и Тирако.

Таллеман де Рео приводит в своих «Занимательных историях» любопытный случай, происшедший однажды с монсеньером Памфилио, ставшим позднее папою Иннокентием X, и вышеупомянутым художником Даниелем дю Мустье (тем самым, который так ловко желал всем любителям чужих книг попасть в пекло):

«Кардинал Барберини, приехав во Францию в качестве папского легата, захотел познакомиться с библиотекой дю Мустье, а также с ее владельцем. Иннокентий X, тогда монсеньер Памфилио, бывший в те времена первым в свите легата, отправился с ним к Мустье, и, увидев на столе "Историю Тридентского собора" в прекрасном лондонском издании, сказал самому себе: "Неужто эта столь редкая книга достойна такого человека!" Он берет книгу и прячет ее под сутану, думая, что этого никто не видел; но маленький человек (дю Мустье), бывший начеку, все заметил и в гневе сказал легату, что он

«чрезвычайно польщен честью, которую оказывает ему его преосвященство, но что стыдно тому иметь разбойников в своей свите». Затем, назвав Памфилио «выходцем из Содома» и забрав у него книгу, вышвырнул того вон.

Когда Памфилио стал папой (15 сентября 1644), все принялись пугать дю Мустье, что папа отлучит его от церкви и тогда дю Мустье почернеет подобно углю.

— С огромным удовольствием, я слишком бел, — отвечал тот, подразумевая седину».

Добавим, что и сам Даниель дю Мустье, этот зоркий страж собственных книг, бывал ничуть не стеснительнее, чем монсеньер Памфилио, когда жаждал пополнить свою библиотеку. По словам все того же нескромного Таллемана, художник сам рассказывал, причем без всякого стеснения, что однажды подкараулил момент, когда книгопродавца с Нового моста не было дома, и выкрал у него том, за которым давно охотился. Без сомнения, дю Мустье повествовал о своем подвиге с гордостью.

Другой итальянский прелат, кардинал Доминико Пассионей, едва не ставший папой, собрал великолепную библиотеку примерно таким же способом, что и Иннокентий X. Президент де Бросс рассказал об этом в своих «Письмах об Италии».

В 1721 году Пассионей был отправлен в Люцерн в качестве нунция. Его чрезвычайно восхитили и заинтересовали монастыри и аббатства Швейцарии. Он без устали посещал их, проводил долгие часы в библиотеках этих заведений и никогда не уходил оттуда, не наполнив основательно свои карманы, прикрытые сутаной.

Добрейший кардинал, как пишет де Бросс, хорошо набил руку в Германии, где обшарил все монастыри и добром или насильно получил в собственное пользование немало редких и забавных книг. Он сопровождал свои просьбы изысканными комплиментами; итальянская артистичность не изменяла ему; никто не умел отказать его преосвященству монсеньеру нунцию, который, еще не получив согласия владельца книги, уже благодарил его за подарок.

Если Пассионей попадались менее доверчивые и более въедливые монахи, не соглашавшиеся менять манускрипты на благословение, он применял другое, более изощренное средство: объявлял, что ему необходимо произвести научные разыскания и для этого поработать в библиотеке монастыря; закрывался там на ключ, чтобы никто не беспокоил его, и выбрасывал в окно одному из своих прислужников тома, которые возбуждали его жадность — разумеется, самые драгоценные.

Многоопытный во всех этих трюках, после своей долголетней практики, кардинал Пассионеи позднее, вернувшись в Рим, поостерегся доверить наблюдение за своей коллекцией книг и рукописей эрудиту, способному оценить их и, следовательно, присвоить.

Рассказывают, что однажды несколько ученых мужей получили позволение посетить его библиотеку и не смогли добиться ни слова от библиотекаря, настолько он был невежествен, необразован и туп. Когда кардинал осведомился, каковы их впечатления, один из посетителей ответил:

— Библиотека прекрасна, монсеньер, но...

— Но что? Говорите откровенно!

— Насколько великолепна библиотека, настолько ничтожен ее хранитель...

— Сударь, — ответил Пассионеи, — моя библиотека — это мой сераль, а всякий сераль для безопасности должен охраняться внухами.

* * *

Некоторые библиоманы, лишённые угрызений совести, вместо того, чтобы присваивать целый том, вначале ограничиваются частью его, иногда несколькими страницами, с тем чтобы понизить стоимость книги. Таков был некий доктор Р., когда-то хорошо известный всем книгопродавцам Лиона и наводивший на них ужас. Ученый поэт Франсуа Феррио прославил его подвиги в одном из сонетов своих «Легенд о книге». Чтобы заполучить по дешевке редкое многотомное издание, этот ученик Эскулапа и Меркурия потихоньку утаскивал один из томов, а через пару недель приходил в лавку с просьбой продать ему по сходной цене все издание в целом, которое — «не правда ли?» — неполно.

Другой эрудит, чье имя дорого всем друзьям книги, Луи Пари, бывший хранителем библиотеки города Реймса, повествует о хитрости и изобретательности еще одного библиотечного «разорителя», предупреждая всякого, кто владеет библиотекой или служит в ней, о необходимости быть начеку.

«У меня выработалась привычка наблюдать за всеми, кто постоянно приходит в нашу библиотеку, и я в этом не раскаиваюсь: я не доверяю ни ученым, ни художникам, ни писателям, ни чиновникам, ни — в особенности — составителям коллекций, — короче говоря, я не доверяю никому, и даже человека с репутацией самого благородного и честного существа в мире я не оставляю на пять минут наедине с книгами.

В Реймсе долгое время жил один господин, чья страсть к книгам была мне хорошо известна; у него была любопытная коллекция редких и миниатюрных

книг, доставшаяся ему задешево. Он охотно покупал дефектные экземпляры: дело в том, что платил он за них мало, а потом умело возвращал книге первоначальный вид. Он действовал так: приходил к вам на правах друга, рассматривал вашу библиотеку, перелистывал книги, уделяя особое внимание тем из них, дефектные экземпляры которых были у него дома, и только вы отворачивались, как нужная ему страница исчезала в его кармане, а ваш обесчещенный том возвращался на место. На аукцион он приходил днем, чтобы просмотреть книги, предназначенные для вечерней распродажи: брал в руки каждый том, был особенно внимателен к наиболее ценным книгам, осторожно вырывал из них страницы, прятал их в карман редингота, а вечером приходил на торги. Когда книга, побывавшая в его руках, привлекала чье-то внимание, он просил показать ее ему, как бы случайно наткнулся на изуродованное место, извещал об этом ведущих торги, и книга сразу понижалась в цене. «Впрочем, — говорил он, — я охотно куплю ее в том виде, как она есть, и подарю ее другу, который о ней мечтает». И книга продавалась по ничтожной цене.

Вы понимаете, как я волновался, когда этот господин приходил к нам.

— Послушайте, дорогой мой, — сказал я ему однажды, — когда вы в следующий раз придете в нашу библиотеку, садитесь вот сюда, за мой стол, рядом со мной; моя чернильница, мое перо, моя бумага — все к вашим услугам; вы мне так симпатичны, что я ни на минуту не могу расстаться с вами.

Он понял меня правильно, и я избавился от него».

В другой раз Луи Пари известили о том, что Реймскую библиотеку собираются посетить инспектор Университета г-н Беке и бывший член Конвента Куртуа, прославившийся своими набегами на письма и бумаги Робеспьера. Не кто иной, как тот самый разоритель книг, вырывающий из них страницы, взял на себя труд предупредить г-на Пари и напомнить ему о двусмысленной репутации Эдме Куртуа.

«— Смотрите за ним, как следует, даю вам дружеский совет, — сказал он, — Куртуа большой любитель книг...»

Г-н Пари поблагодарил и решил быть начеку.

«Действительно, в тот же день эти господа пожаловали ко мне, — рассказывает он. — Перед их приходом я как следует проверил свои фонды. Мы тогда как раз собирались перевозить их из Сен-Реми в Ратушу. Большая часть книг лежала на полу, разложенная по форматам. Я знал на память место каждого тома. Гости прошлись по комнатам, стали расспрашивать меня о наших богатствах, наших редкостях.

— Много ли у вас, — спросил г-н Беке, — первопечатных книг XV века?

— Есть несколько штук, — отвечал я и подвел гостей к полке.

Но одной из книг уже не было на месте, и не такой уж плохой — "Lucius Anneus Florus", маленького, но очень ценного инкварто.

Я сделал вид, что не заметил этого; гости стали восхищаться моим Гомером 1488 года, Сабелликом 1489 года, Библией 1482 года и еще несколькими книгами. Я старался не проговориться о пропавшей книге и проводил гостей вниз. После этого я запер входную дверь на ключ, положил ключ в карман и подошел к гостям.

— Господа, — сказал я, — вас не предупредили, что я за человек? Нет? Так вот, я исповедуюсь перед вами. Я имею несчастье быть подозрительным, жестоким, не верить ни в чье благородство, — разумеется, когда речь идет о книгах; и, подумайте сами, в данную минуту я просто жалок: меня мучает уверенность, что один из нас троих — вор. О боже мой, боже, простите мне эту мысль! Впрочем, вором ведь могу оказаться и я... Можете обыскать мои карманы! Не хотите? Тогда смотрите, вот мои карманы, вот передний, вот задний... Я честный человек. Теперь ваша очередь, господин инспектор.

— Прошу вас, господин библиотекарь, — сказал г-н Беке. И позволил обыскать себя.

Осматривая его карманы, я не спускал глаз с Куртуа. Он вертелся, гримасничал, кашлял, наклонялся.

— Не беспокойтесь, г-н Куртуа, не беспокойтесь, дойдет очередь и до вас!

— Ну что ж! — сказал тогда вор, — это дьявол, а не человек! Придется, видно, вернуть книгу!

И он швырнул ее на стол».

По поводу недоверчивости библиотекарей или библиофилов к некоторым посетителям рассказывают одну весьма типичную историю. Один коллекционер из Гааги, владелец богатой коллекции эльзевиров, был таким безжалостным и неумолимым цербером, что даже самых близких, лучших своих друзей, если они хотели полюбоваться его миниатюрными изданиями, заставлял переносить унизительную процедуру надевания поверх костюма широкого балахона без рукавов и без отверстий для рук.

II

Кража книг из жажды наживы: Пьер де Каркави. Жан Эймон. – Либри. – Арман. – Кражи в публичных библиотеках. – Любопытные меры предосторожности одного английского библиотекаря.

Однако любители присваивать чужие книги не всегда делают это ради того, чтобы поставить книгу на свою полку и любоваться ею. Часто книги воруют с тем, чтобы перепродать их. Эта торговля – во всяком случае, если речь идет о библиографических редкостях–испокон веков была очень прибыльна, в противоположность торговле обычными книгами, которые, как правило, весьма дешевы и продаются за гроши.

Уже в средние века и светские и духовные владельцы книг принимали массу предосторожностей, чтобы сберечь свои книги.

Аббат Лу де Феррьер, один из самых аттических французских писателей IX века, просит прощения у архиепископа Реймского Хинкмара за то, что не смог отправить ему сочинение Беды Достопочтенного – «столь объемистую книгу, что она не может быть спрятана ни на груди, ни в котомке. И, даже если бы это было возможно, слишком велика опасность встретиться с разбойниками, которых могло соблазнить великолепие рукописи, вследствие чего она была бы потеряна и для меня, и для вас».

Владельцы манускриптов, пытаясь защитить свое добро, прибегали к мерам сомнительной эффективности.

В XI веке Роберт, архиепископ Кентерберийский, подарил монастырю этого города Rituel (sacramentary), в конце которого было написано: «Если кто бы то ни было силой, обманом или любым другим способом овладеет этой книгой, да послужит это злодеяние причиной гибели его души, да будет его имя вычеркнуто из книги жизни и да не появится оно среди имен праведников».

В манускрипте 1072 года из Кассенского монастыря имеется аналогичное примечание: «Если кто-нибудь попытается овладеть этой книгой под каким бы то ни было предлогом, да будет он в день Страшного суда в числе тех, кого предадут огню».

В манускрипте, датированном примерно 1250 годом, читаем: «Эта книга принадлежит Рочестерскому монастырю, анафема всякому, кто украдет и спрячет ее. Аминь».

В другом монастыре приор и монахи грозили отлучением от церкви тому, кто осмелится украсть рукопись «Физики» Аристотеля или хотя бы

испортить ее титульный лист.

Наконец, в библиотеке Ватикана, самой старой в Европе, на одном из мраморных столов читального зала до сих пор лежит декрет Сикста Пятого, грозящий отлучением всякому, кто вынесет хотя бы один том из библиотеки без собственноручного письменного позволения самого папы.

* * *

Одну из первых краж, совершенных в нашей Национальной библиотеке, приписывают Пьеру де Каркави, назначенному Кольбером «хранителем Королевской библиотеки». Этот неверный хранитель предпочитал в основном дубликаты; он, надо полагать, более или менее удачно избавлялся от них; во всяком случае, книжные собрания, доверенные ему, оказались в очень плохом состоянии, и никому не удалось выяснить судьбу изрядного количества книг. В начале января 1684 года Каркави был освобожден от своих обязанностей и умер в том же году.

Один из его помощников и переписчиков, унаследовавший его пост, Николя Клеман, стал жертвой бесчестных махинаций священника-вероотступника, наглого грабителя по имени Жан Эймон.

Эймон родился в 1661 году в Дофинэ и получил хорошее образование в Гренобльском коллеже. Оттуда он уехал в Рим, где постригся в монахи. Ему еще не было в тот момент двадцати трех лет, поэтому, согласно постановлению Тридентского собора, для его пострижения необходимо было разрешение папы. Иннокентий XI выдал ему разрешение, в котором отмечены были добрый нрав и различные достоинства кандидата. Однако бесчестные интриги и всевозможные преступления, свидетелем которых Эймон стал в Ватикане, лишили его терпения и веры. Он бежал в Швейцарию, сблизился со сторонниками реформации и принял протестантство. Затем отправился в Голландию в качестве пастора. Там женился. Однако, едва ввел жену в дом, как почувствовал жгучее раскаяние, бросил ее, распрощался с протестантизмом и решил вернуться в лоно католической церкви и в родную страну, Францию. С просьбой ходатайствовать о своем возвращении он обратился к Николя Клеману, хранителю Королевской библиотеки, предлагая ему в то же время приобрести за довольно большую плату «Гербарий» знаменитого Поля Эрмана в 40 томах ин-фолио.

Клеман передал письмо Эймона суперинтенданту королевских парков Фагону, и тот отсоветовал ему покупать «Гербарий». Но какой-то злой демон толкал Клемана, и он продолжал прислушиваться к проектам, исповедам

и излияниям вероотступника Жана Эймона, который теперь якобы мечтал лишь о возвращении на путь истинный. Эймон, по его словам, мог сообщить министрам важные государственные тайны, был готов написать толстый фолиант против республиканского духа гугенотов-эмигрантов. Однако, чтобы написать и издать это сочинение, Эймону было необходимо покинуть Голландию, где он не чувствовал себя в безопасности, и вернуться во Францию.

Клеман, «добрый господин Клеман», как его обычно называли, посоветовался с несколькими своими знакомыми священниками, в частности, с аббатом Бидалем, французским посланником в Гамбурге, который занимался религиозными делами и знал Эймона. Аббат Бидале решил, что извлечь из рук кальвинистов такого человека, как Эймон, – почетная миссия; Клеман повторил это министру Поншартрену, а тот сообщил обо всем королю. В то время католики охотно использовали возможности публично прощать колеблющихся вероотступников (жестоко истребляя тех, кто упорствовал в заблуждениях). Гаагский эмигрант просил немного – всего лишь разрешения на въезд во Францию. Король повелел удовлетворить его просьбу.

В апреле 1706 года Эймон приехал в Париж и первым делом нанес визит Клеману. Он жаждал поблагодарить его за доброту и участие и доказать ему свое раскаяние и свою искренность. Доказательства, однако, оказались своеобразными!

Разумеется, прошлое Жана Эймона, его постоянные скитания, его мелочность, подозрительность и неуживчивость, его многочисленные метаморфозы мало располагали в его пользу: Николя Клеман сознавал это. Однако по доброте душевной он оказал новообращенному самый сердечный прием, обнадежил его и сам вызвался представить в Версале Поншартрену. Эймон вручил министру две памятные записки: одну, касающуюся религиозных материй, где обвинял эмигрантов в «преступном и разнузданном распутстве», величайших преступлениях и чрезвычайных злодеяниях; другую, касающуюся политики, и, в частности, войны между Францией и Голландией.

Министр назвал политические откровения господина Эймона беспочвенными, а памятную записку на религиозные темы передал кардиналу де Ноайлю, парижскому архиепископу.

Снова Эймону пришлось прибегнуть к помощи добрейшего Клемана, который представил своего протеже прелату и напомнил обо всех жертвах,

принесенных Эймоном ради успокоения своей совести – о пожизненной пенсии, ежегодных вспомоществованиях, жаловании преподавателя математики (400 экю), которые ему выплачивали в Голландии и т. д. Архиепископ пообещал ходатайствовать перед королем, а тем временем предложил Клеману принять Эймона в библиотеку и дать ему возможность работать со всеми книгами, которые понадобятся для обещанного обличения протестантизма, – что тут же было исполнено.

Волк оказался в овчарне.

Эймон каждый день, исполнив с усердием свои обязанности ревностного католика, прибегал в библиотеку на улице Вивьен и листал бесчисленные манускрипты, где надеялся найти новые аргументы для борьбы с еретиками; Клеман же был занят своими непосредственными обязанностями, иногда заставлявшими его даже покидать стены библиотеки, и не всегда мог сопровождать усердного труженика и наблюдать за его изысканиями.

Однако Эймон терял терпение – с его точки зрения плата за обращение и измену запаздывала. Он частенько ругал короля и его министров, осыпал их гневными упреками за то, что они не сдержали данного ему слова. Эти нескромные и все более страстные жалобы весьма смущали Клемана, и, когда Эймон перестал являться в библиотеку, он не мог не поздравить себя с исчезновением посетителя. Тем лучше! Он, наконец, будет избавлен от столь требовательной и беспокойной личности!

Недолгой, однако, была его радость.

Однажды утром Клеман получил для ознакомления документ, адресованный правительству и написанный французским агентом, проживавшим в Гааге:

«Необходимы сведения о человеке по фамилии Эймон, называющем себя бывшим капелланом кардинала Ле Камю. Прожив некоторое время в Гааге, он уехал в Швейцарию, где принял протестантство, затем исчез, затем объявился в Париже. Известно, что туда он привез с собою "Алкоран", арабскую рукопись, украденную им у одного из гаагских книгопродавцев. Недавно он вернулся в Голландию, и, по слухам, не с пустыми руками; говорят, что привезенное им – плоды краж, совершенных им в Париже за те 5 или 6 месяцев, которые он вполне законно провел там. Среди привезенного – "Последний Иерусалимский собор православной церкви..." и некоторые другие книги, которые, как предполагают, украдены им из Королевской библиотеки. По всей вероятности, у этого человека во Франции могущественные покровители. 10 марта 1707 г.»

Как! "Иерусалимский собор", один из самых драгоценных манускриптов библиотеки, находится в Гааге в руках Эймона? Клеман поспешил к пшафу, где всегда было заперто на ключ бесценное сокровище: шкаф был пуст. Вместе с "Иерусалимским собором" исчезла и другая ценная книга – первый том автографов писем Висконти.

Клеман немедленно написал в Гаагу и стал требовать судебного расследования.

Воровство было бесспорно совершено, однако прямых улик против столь бесстыдного человека, как Эймон, не было. На обвинение Клемана он ответил взаимным обвинением: Королевская библиотека и ее французские агенты, якобы, составили заговор, чтобы ограбить его, Эймона. Королевская библиотека никогда не владела "Иерусалимским собором". Этот манускрипт был передан бенедиктинским монахом из братства Сен-Мор некоему «бесстрашному другу истины», имя которого Эймон обещал сохранить в тайне и, разумеется, никогда не предаст огласке. Неизвестный друг вручил манускрипт Эймону. В остальном же происки Королевской библиотеки не что иное, как следствие религиозных распрей, трусливая месть верному кальвинисту, который ездил в Париж именно для того, чтобы разоблачить глупость и бесчестность папистов и т. д.

Однако, как сообщал французский агент, Эймон привез из Франции отнюдь не две книги. «Итальянские письма Просперо Санто-Кроче», «Посольство епископа Ангулемского в Рим», «Беседы Конфуция», древние Евангелия, написанные унциальным шрифтом, послания апостола Павла на веленовой бумаге ин-фолио и т. д. – все они исчезли с полок Королевской библиотеки и мало-помалу обнаружались у Эймона.

Чтобы обличить презренного обманщика, Клеман решил отправить в Гаагу письма, полученные им от Эймона, но государственный секретарь по сношениям с границей г-н де Торси запретил выпускать из рук оригиналы – достаточно послать заверенные копии, решил он. Кто осмелится заподозрить в подлоге французскую администрацию? Однако Эймон немедленно поклялся, что письма подделаны и со своим обычным цинизмом снова превратился из обвиняемого в обвинителя.

Г-н де Торси не снизошел до того, чтобы спорить с Эймоном, и гаагские судьи оправдали обманщика.

Николя Клеман не вынес этого удара. Истошив все силы на писание оправдательных документов, писем, обвинений, направленных против обманувшего его доверие и бдительность негодяя, который скомпрометировал его после пятидесяти лет беспорочной службы, он заболел и отправился в

Экс на воды, предоставив продолжение судебных преследований г-ну де Торси. Наконец, в 1709 году, после долгих переговоров между Голландскими штатами, которые не хотели выглядеть сообщниками Эймона, и судьями, осмелившимися оправдать его, рукопись "Иерусалимского собора" была возвращена Франции. Клеман, без сомнения, испытал огромную радость при виде бесценного фолианта; но здоровье его было подорвано, и, несмотря на частые поездки на воды в Экс, он скончался 16 января 1712 года в возрасте 64 или 65 лет. Врачи приписывали смерть Клемана грудной водянке, но на самом деле, как считали многие, он умер от горя, причиненного ему потерей книг, и его убийцей был Эймон.

Добавим, что, несмотря на ходатайства и старания многих преемников Николая Клемана, в частности, аббата Биньона, большинство рукописей и книг, украденных Жаном Эймоном, было безвозвратно утрачено.

* * *

— Либри! — вот символическое имя²; из всех книжных воров никто, даже Винцент барселонский, книготорговец-убийца, не наделал столько шума и не оставил столь ярких воспоминаний о себе. Эта позорная известность — следствие нескольких причин: во-первых, Либри, благодаря своей чрезвычайной изворотливости, изумительной хитрости в течение 10 или 15 лет (обстоятельства благоприятствовали ему) имел знаменитых и усердных покровителей, его поддерживали авторитетные и образованные деятели культуры: Гюстав Брюне, Лабулэй, Ахилл Жюбиналь, Полен Пари, Поль Лакруа, Гизо, Виктор Леклер, Альфред де Вайи и в особенности Мериме; во-вторых, его кражи были столь значительны, что, если бы можно было оценить нанесенный им ущерб, пришлось бы назвать цифру в несколько миллионов.

Либри был разорителем национального богатства. И, что еще усугубляет его вину, он воровал книги не из любви к ним, как Винцент, не оттого, что не мог расстаться с ними, не ради удовольствия листать их, рассматривать, любоваться ими, питать ум и душу — нет, у Либри не было иной цели, кроме как продать украденные рукописи, инкунабулы и автографы по максимально высокой цене: он с таким же успехом воровал бы банкноты или золотые слитки; он был самым обыкновенным жуликом.

² Игра слов: liber, librum — книга (лат.). (Примеч. переводчика.)

Гийом-Брутус-Тимолеон Либри-Карруччи родился 2 января 1803 года во Флоренции; среди его предков был поэт Фео делла Соммиа, друг Петрарки и Боккаччо, прозванный из-за любви к книгам Либри делла Соммиа, – от этого и произошло имя Либри. Отец Гульемо Либри был в 1816 году в Лионе приговорен к 10 годам каторжных работ и клеймен за мошенничество в торговле. В 1830 году двадцатисемилетний Либри, замешанный в политическом заговоре, был вынужден покинуть Италию и укрыться во Франции. Он к этому времени уже опубликовал несколько научных трудов и заведовал кафедрой в Пизанском университете. Он был действительно знающим ученым, талантливым математиком; но еще более талантлив он был в разных хитростях и обманах.

Пользуясь протекцией Араго, он делает головокружительную карьеру. Вот несколько этапов его возвышения: в 1832 году он – заместитель Био на кафедре в Коллеж де Франс; в 1833 году принимает французское подданство и 28 мая того же года избирается в члены Французской Академии; в следующем году он – профессор естественного факультета и кавалер ордена Почетного легиона; в 1838 году – редактор "Журналь де Саван" ("Газеты ученых"); в 1834 году занимает штатную должность профессора в Коллеж де Франс и даже исполняет обязанности генерального инспектора народного образования и т. д.

Поистине так везет в нашей стране только иностранцам!

Постановление от 3 августа 1841 года предписывало составление и публикацию «Генерального каталога всех рукописей на древних и новых языках, хранящихся в настоящее время в публичных библиотеках департаментов»; Либри был назначен секретарем Комиссии по составлению этого каталога. Тем самым он получил доступ во все муниципальные библиотеки Франции. В Париже он уже обследовал самые богатые книжные собрания: Королевскую библиотеку, Библиотеку Мазарини, Арсенала, Французской Академии и т. д.; еще до приезда во Францию он совершил несколько набегов на библиотеки Флоренции и Пизы. В провинции ему почти повсюду был оказан самый теплый прием; мэры и хранители библиотек, успокоенные, а подчас ослепленные официальными титулами господина секретаря и генерального инспектора, допускали его к своим сокровищам и позволяли трудиться над ними и днем и ночью безо всякого наблюдения. Лишь хранитель библиотеки в Оксерре, хотя и не выказал недоверия столь знаменитому гостю, не нарушил правил и действовал с предосторожностями: он позволил приезжему остаться в библиотеке на ночь, но сотрудник библиотеки неотступно находился при госте, помогая ему в розысках, следя

за освещением и за порядком.

Поэтому библиотека Оксерра была единственной, которая не пострадала от набега варвара; остальные – библиотеки Дижона, Лиона, Гренобля, Карпентра, Монпелье, Пуатье, Тура, Орлеана – были разграблены. Либри пользовался не только оказанным ему доверием, но и, надо это признать, беспечностью и невежеством библиотекарей, и свои кражи делал незаметными, исправляя названия в каталогах и библиографических карточках. Ему на руку было и то, что помощник библиотекаря в Туре, по имени Сейтр, был в 1843 году приговорен к двум годам тюрьмы за изъятие нескольких книг из муниципальной библиотеки, и позже свалил или попытался свалить свои многочисленные кражи на этого своего предшественника.

Прежде чем избавиться от украденных рукописей, Либри старательно «гримировал» их; он изменял переплеты, кое-что подчищал, добавлял надписи, указывающие на принадлежность этих экземпляров вымышленным владельцам и т. д.

Но все в этом мире имеет свой конец. Первые обвинения против Либри, выдвинутые в 1846 году, не привели ни к какому результату: никто не желал поверить, что столь значительное лицо повинно в таких позорных преступлениях. Годом позже в ходе распродажи редких изданий, из которых многие «принадлежали» Либри и цена на которые достигала более 10 тысяч франков, против него были выдвинуты новые обвинения, более точные и доказательные, и королевскому прокурору суда департамента Сены г-ну Букли было поручено следствие.

Благодаря Гизо, первому министру и близкому другу Либри, бывшему, по слухам, свидетелем на его свадьбе, дело снова было приостановлено. Но тут произошла революция 1848 года. Донесение г-на Букли, переданное Гизо, было найдено в кабинете последнего; Либри, узнав об этом 28 февраля во время заседания в Академии наук, успел скрыться в Англию, увезя с собою 18 ящиков книг, застрахованных на сумму 25 тысяч франков.

Приговоренный заочно к десяти годам тюремного заключения, к лишению всех чинов и званий, Либри укрылся в Лондоне вместе с женой и не переставал оспаривать приговор. Он упорно выдавал себя за жертву политической мести, хотя ему справедливо указывали, что следствие против него было возбуждено еще до падения правительства Луи-Филиппа.

Публика, в особенности библиофилы, была крайне возбуждена делом

Либри. У обвиняемого, как мы уже говорили, сохранились, несмотря ни на что, многочисленные и знаменитые сторонники. Когда в 1861 году госпожа Мелани Либри, сестра барона Дубля, послала в сенат петицию и попыталась использовать свои связи в высших сферах, чтобы пересмотреть дело своего мужа, генеральный прокурор Дюпен, всегда щедрый на язвительные каламбуры, наградил одним из них сторонников библиотечного пирата: «В деле Либри, — сказал он, — некоторые люди действуют поистине с легкостью колибри!»

Г-н Леопольд Делиль, почтенный директор нашей Национальной библиотеки, ясно и недвусмысленно доказал виновность Либри. Лорд Эшбурнем, отец которого купил немало книг, украденных Либри, специально интересовался доказательствами и получил их в 1880 году в отношении испорченного рукописного экземпляра Пятикнижия из Лиона. Г-н Леопольд Делиль доказал лорду, что в 1837 году рукопись была еще в целостности и сохранности в Лионе; об этом свидетельствует одна немецкая книга того времени; следовательно, искажения могли быть внесены лишь после 1837 года; он предложил лорду обратиться к компетентным судьям для решения спора, но Эшбурнем предпочел сразу согласиться с неопровержимыми фактами и передал французскому послу в Лондоне, г-ну Леону Сэю, фрагменты драгоценного Пятикнижия.

Однако, как заметил г-н Леопольд Делиль, поздравления со столь щедрым поступком, стекавшиеся к лорду Эшбурнему со всех сторон, не заставили его расстаться с остальными рукописями его библиотеки. По словам Эшбурнема, он боялся окончательно обратиться в веру Делиля, что вынудило бы его отправить во Францию немало манускриптов.

Большинство великолепных творений, наполнявших ящики итальянского авантюриста, до сих пор находятся за пределами Франции; они обогатили книгохранилища Англии, Италии, Германии, Америки. Лишь некоторые, самые ценные, были выкуплены в 1888 году по инициативе г-на Леопольда Делиля на средства французского правительства.

Гийом Либри, вернувшийся в родную страну и впавший там в страшную нищету, умер во Фьезоле близ Флоренции 28 сентября 1869 года.

С именем Либри неразрывно связано имя Жозефа Барруа, бывшего депутата Северного департамента, скончавшегося в 1855 году, — строго говоря, он не был книжным вором, однако укрывал и продавал краденое. Купив у Либри большое количество манускриптов, нагло украденных из Королевской библиотеки, Жозеф Барруа исказил их до неузнаваемости,

тайно вывез из Франции и продал еще в 1849 году лорду Эшбурнему, как раз в тот момент, когда суд рассматривал дело Либри³.

Добавим, что жертвой жестокой мести Либри стал около сорока лет назад математик Мишель Шарль. Предполагают (впрочем, сведения эти не могут быть названы абсолютно точными), что именно Либри послал к Шарлю, занявшему его место в Академии, мошенника Врен-Лукаса с его великолепной коллекцией поддельных автографов, в числе которых были письма Пифагора, Нерона, Марии Магдалины, Клеопатры, Юлия Цезаря и т. д., не говоря уже о заметках Паскаля и фрагментах Галилея. Вся Франция смеялась над этим происшествием, которое в 1869 году завершило дискуссию о деле Либри.

* * *

Библиотека Труа, в которой Либри успел побывать дважды, имела несчастье подвергнуться набегу еще одного мастера темных дел, Огюста Армана, назначенного ее хранителем в 1842 году. Арман наблюдал Либри за работой и заметил, что тот всегда имел под мышкой большой портфель и носил просторный редингот, позволявший ему спрятать книгу в то время, когда сопровождавший его служитель уходил, отосланный им под тем или иным предлогом. Арман не замедлил воспользоваться поучительными уроками. В течение 30 лет он имел неограниченные возможности хозяйничать во вверенной его попечению библиотеке и грабить ее; нанесенный им ущерб трудно переоценить.

По обвинению, предъявленному ему консьержем мэрии, который застал его вместе с сообщником, книгопродавцем Дюфеем, за кражей книг, Арман был приговорен к четырем годам тюремного заключения. По примеру Либри он попытался выдать себя за жертву политических распрей и личной ненависти к нему, которую якобы испытывал вышеупомянутый консьерж и бывший мэр Труа, однако преуспел не более, чем его учитель и предшественник.

В ходе процесса обнаружилась одна довольно любопытная деталь. Арман заботливо убирал из каталога карточки с описанием украденных им книг, вследствие чего эксперты, господина Людовик Лаланн и Анатолий де Монтэглон, не могли найти никаких следов и их задача становилась почти неразрешимой.

³ Лорд Эшбурнем, по всей вероятности, не знал происхождения книг Либри и Барруа в тот момент, когда покупал их; но впоследствии, когда суть дела стала ясной всем, он со спокойной совестью сохранил их у себя, а сын его торговал ими отнюдь не в ущерб себе.

Случайность, которую вполне можно назвать перстом судьбы, позволила им установить местонахождение каталога и составить точный список потерь.

Каталог состоял из карточек – поэтому ненужные отправлялись на чердак, где их в свое удовольствие грызли мыши; целые разделы каталога, например, «Изобразительное искусство» и «Литература», были уничтожены. Напротив, разделы «Геология» и «История», лежавшие в другом углу чердака на антресолях, сохранились в целости; именно по ним оказалось возможным, хотя бы частично, установить первоначальный состав каталога. Защитником каталога, ставшего жертвой человеческой нечестности, был филин, свивший себе гнездо среди «Истории» и «Геологии».

* * *

Впрочем, кража книг из фондов библиотеки теми, кому доверено хранить эту библиотеку, довольно сложна и потому сравнительно редка. Хранитель всегда имеет рядом с собою какого-нибудь помощника, подчиненного, которого ему постоянно приходится обманывать или, что не менее опасно, подкупать.

Читателям тоже не так просто выкрасть книгу из публичной библиотеки, поэтому подобные происшествия малочисленны. Везде приняты самые тщательные меры предосторожности против воров.

Всякая книга, поступающая в публичную библиотеку, каково бы ни было ее происхождение (куплена она, подарена или обменена), немедленно регистрируется в журнале новых поступлений, и на ней проставляют ее порядковый номер, а также штамп библиотеки.

Таким образом, если вору даже удастся обмануть бдительность хранителей и вынести один или несколько томов из библиотеки – что само по себе невероятно трудно, – ему придется уничтожить почти несмываемые следы принадлежности книги ее истинному владельцу.

И даже если предположить, что всевозможные смывания и подчистки страниц будут сделаны с максимальной ловкостью, какой букинист или книгопродавец не обнаружит их следов, листовая книга? А сколько труда, усилий, мучений, стараний потребует такая работа!

Несколько лет назад некий молодой человек был уличен книгопродавцем, которому он предложил купить «Трактат о паровой машине», украденный из библиотеки св. Женевьевы. Он уничтожил – бог знает с каким трудом! –

четыре штампа библиотеки, т. е. монограмму на обложке, штамп на титульном листе, на странице 41-й (в первом томе) и на последней странице; он считал себя в полной безопасности. Увы! – он не заметил, что трактат состоял из двух частей, переплетенных в один том, и не уничтожил печать на 41-й странице второго тома. Букинист наткнулся на эту печать и немедленно позаботился о том, чтобы рассеянного неудачника арестовали.

Что происходит во Франции с книгой, украденной из какой-либо публичной библиотеки? Обязан ли покупатель ее вернуть и на каких условиях? Приведем в пример судебный процесс 1861 года: г-н Шлезингер, парижский книгопродавец, купил в Пруссии на аукционе, устроенном после кончины капеллана короля Пруссии, книгу под названием «Наслаждения волшебного острова», украшенную гербом Ле Телье, архиепископа Реймского, и подаренную владельцем в составе всей своей библиотеки монастырю Св. Женевьевы. Г-н министр народного образования потребовал вернуть книгу, украденную из библиотеки, причем вернуть безвозмездно, хотя г-н Шлезингер согласен был продать книгу по той цене, по какой приобрел ее сам. Суд департамента Сены посчитал правым книгопродавца, однако императорский суд постановил, что книга должна быть возвращена безвозмездно. В связи с этим было решено, что вообще любая книга должна быть безвозмездно возвращена публичной библиотеке, если доказано, что она украдена из нее.

Любопытный способ применяют вот уже несколько веков в Гильфорде, в Англии. Коллекция редких книг была завещана муниципальной школе этого города, и один из преподавателей нес ответственность за ее сохранность: если пропадала одна из книг, он должен был возмещать убыток. Один из таких ответственных, чтобы устранить всякую опасность, задумал проект, который показался ему превосходным, а на самом деле был губительным. Он тщательно упаковал книги, выломал несколько плит из пола, спрятал туда книги и снова выровнял пол. Книги были теперь, как он считал, в абсолютной безопасности. Однако он забыл о крысах и мышях. Грызуны сбежались из всех углов и с аппетитом сгрызли все книги. В день эксгумации драгоценная коллекция была извлечена на свет в жалком виде, а чрезмерно хитроумный преподаватель лишен места и заключен в тюрьму.

III

Кражи книг, совершенные служащими у издателей, брошюровщиков, переплетчиков, книготорговцев и букинистов: Обмен музыкой. – «В книжных лавках так понизились цены!» – Издатель, у которого все делается по-семейному. – Переплетчик, каких мало.

Кражи книг у издателей, брошюровщиков, переплетчиков, книготорговцев и букинистов можно, как и предыдущие, разделить на две категории: кражи, совершенные служащими или их близкими знакомыми в лавке, магазине или мастерской, и кражи, совершенные посторонними людьми – завсегдатаями или случайными покупателями.

Неожиданно книгопродавец замечает, что значительное число книг пропадает из его магазина, не будучи зарегистрированным ни в каких квитанциях или ведомостях. Он чувствует, что причина – в мошенничестве, причем не случайном, однократном, а постоянно возобновляемом, хорошо продуманном и четко выполненном. По всей вероятности, у виновного есть сообщники, помогающие ему сбыть награбленное. Но кто они? Как их найти?

Недавно я наблюдал следующий способ предосторожности: книги, стоящие на видном месте, относительно которых предполагалось, что их могут украсть, были слегка помечены карандашом в нескольких местах (примерно так, как ставят штампы на библиотечных книгах). Книгопродавцы или посредники, покупающие или перепродающие книги оптом, не так многочисленны, и притом каждый из них специализируется в определенной сфере – поэтому того, кто придет продавать им помеченные книги, можно довольно скоро обнаружить и поймать с поличным.

Несколько служащих, работавших у крупнейших издателей музыкальной литературы, изобрели лет двадцать назад простой, но хитроумный трюк, чтобы обмануть своих хозяев. Они обменивались между собой и таким образом избегали опасного посредничества скупщика краденого; вернее, каждый из них был скупщиком для другого. Один из них, работавший в издательстве А, нуждался, например, в партитуре, изданной у Б. Он отправлялся в издательство Б., и тамошний его знакомый выносил ему требуемую партитуру в обмен на равноценную партитуру, изданную у А. Через некоторое время он избавлялся от нее, не без выгоды для себя. Он либо присоединял ее к партитурам, изданным у своего хозяина, либо обменивал

ее на партитуру, изданную в С., где работал еще один из его «коллег».

Любопытен и процесс, возбужденный одним из главных книжных агентов Парижа, состоявшийся через несколько лет после «музыкального» дела и преподнесший истцу довольно неприятный сюрприз.

С некоторых пор он стал замечать, что его выручка становится все меньше и меньше, а на полках по неизвестной причине все больше и больше пустых мест. Не было никаких сомнений в том, что его обворовывали и что делали это его собственные служащие. В конце концов он застал троих из них на месте преступления и вызвал полицию, которая их арестовала. Расследование показало, что эти служащие освобождали от книг не только лавку своего хозяина; они «работали» также и на стороне: отправленные за товаром к другим книгопродавцам, они не теряли времени даром и никогда не возвращались обратно с пустыми руками. Но самое неприятное состояло в том, что утащенные таким образом книги они продавали не кому иному, как собственному хозяину, их нынешнему обвинителю, который перепродавал их по очень низкой цене.

Судья не замедлил открыть этот факт и сообщить присяжным – после чего истец превратился в обвиняемого и занял место на скамье подсудимых.

« — Как могли вы согласиться на подобные операции?

— Я не знал о происхождении этих книг.

— Но их мизерные цены должны были подсказать вам, что дело нечисто. Когда обворовывали вас, вы немедленно подняли шум, а когда в дураках оставались другие, вы спокойно получали выгоду от продажи краденого.

— Если бы я знал...

— Разве скидка в 60 или 100 франков ни о чем вам не говорила? Разве она не насторожила вас?

— Ах, господин судья! Сейчас в книжных лавках так понизились цены!»

И только благодаря этому аргументу – впрочем, надо признать, уместному и неопровержимому! – наш герой вышел сухим из воды.

* * *

Другое дело примерно той же эпохи и также достаточно нашумевшее в мире литераторов и издателей доставило серьезные хлопоты своему протагонисту.

Есть люди, которые всегда жалуются, что их обворовали: это их мания. Я знал одного издателя, ныне сошедшего со сцены, – он каждое утро сообщал всем о новом мошенничестве, которое только что открыл; больше всего

беднягу огорчало то, что комиссар полиции, утомленный его постоянными и бесконечными жалобами, не желал его принимать.

Но в деле, о котором мы собираемся рассказать, все обстояло серьезнее. Комиссар, получив от истца список книг, которые, по его словам, были у него украдены, неожиданно захотел сверить этот список с торговыми книгами издателя-истца. Тот сначала попытался отделаться отговорками: хотя торговые книги у него ведутся, но они ничего не доказывают; у него все обговаривается на словах, по-семейному. Однако комиссар настаивал, и пришлось подчиниться. Оказалось, что два названия в списке украденных книг наталкивали на размышления: недостающих экземпляров этих книг было обозначено больше, чем было их отпечатано: другими словами, кому-то удалось украсть экземпляры, которые никогда не были отпечатаны, которых не существовало в природе!

«В таком случае вы неверно обозначаете тираж в ваших торговых книгах», – не без оснований заметил комиссар. Издатель возразил, что это опять-таки – дело семейное, потому что он и его авторы – близкие друзья; что они сами хотели, чтобы цифры не совпадали...

— Но зачем? Мне непонятны причины...

— Это выгодно авторам... для продажи, господин комиссар, чтобы привлечь публику. Не беспокойтесь: я поговорю с ними...»

И, надо думать, он с ними «поговорил», и все уладил, ибо это любопытное открытие ни тогда, ни после не повело ни к каким конфликтам между писателями и издателем.

Необычная кража, сильно взволновавшая мир библиофилов, была зарегистрирована в ноябре 1902 года. Переплетчик, чьи имя и талант известны всем богатым коллекционерам, решил продать самые замечательные книги из тех, которые клиенты отдали ему, чтобы переплести. Если книга была с посвящением, он уничтожал его или заменял страницу с посвящением чистой страницей. Тут же надо добавить, что это злоупотребление доверием – вещь очень редкая в цеху переплетчиков: я не знаю никакого другого сходного примера.

IV

Кражи, совершенные нечестными покупателями и профессиональными ворозжи: Разные проделки покупателей; дама с зонтиком; любитель первых изданий; «За ними еще придут!» – Банда жуликов. – Аббат Б... – Так

называемый журналист. – Нашла коса на камень! – Особая забота о Боттене и Ларуссе. – Прочная подкладка. – Фокус с Литре.– Обворованный вор.

Перечислить все трюки, с помощью которых нечестные покупатели и профессиональные воры обманывают книгопродавцев и букинистов, поистине невозможно: я ограничусь несколькими поучительными или забавными подробностями, стараясь при этом обращаться лишь к классическим, наиболее распространенным случаям.

Самое простое – взять книгу с полки, внимательно полистать ее, потом незаметно переложить с полки книгу по 2 франка на полку дешевых книг и уже тогда просить продать ее.

— Но, месье, это ошибка: книга стоит 2 франка.

— Однако я взял ее вот отсюда!

— Наверное, кто-нибудь из покупателей случайно положил ее не на место...

— Я-то тут при чем? Я за это не отвечаю... Она лежит среди книг по 20 су!

— Ну что ж! Берите.

Бывают господа, которые покупают книгу за гроши, небрежно кладут ее под мышку, продолжают рассматривать книги на полках и незаметно подменяют приобретенный том книгой того же формата и цвета, но стоящей гораздо дороже.

Иногда покупатель выбирает книгу в уличной витрине и говорит стоящему рядом продавцу: «Я зайду в магазин, может быть там есть еще что-нибудь интересное, я заплачу сразу за все», – и через секунду выходит не заплатив ничего. Если продавец или хозяин замечают это и бросаются за жуликом, главное для них – не ловить его слишком рано; иначе он споеет им очаровательную арию: «За кого вы меня принимаете? Вы же видите, что я еще не кончил... Я еще смотрю ваши книги, вот эти, в окне... А вы... Я же не уйду! Не бойтесь! Станный у вас способ принимать покупателей!» И т. д.

Чтобы избежать подобного недоразумения и не допустить никаких сомнений и отговорок, у книгопродавцев принято ловить подобных покупателей не ближе, чем в 25 шагах от прилавка, или просто у соседнего подъезда. Да еще и тут приходится выслушивать: «Ах, простите! Действительно, вы правы! Я забыл заплатить... Тысяча извинений. Мне так неудобно... Я стал такой рассеянный!»

Очень распространен следующий трюк: человек входит в магазин с двумя книгами под мышкой, спокойно кладет их на одну из стопок книг,

рассматривает полки, разговаривая с продавцом или хозяином, а потом, собираясь уходить, берет с собою не только те два тома, которые принес, но еще два-три, лежавшие под ними.

Есть и такие «любители», которые поджидают, пока в магазине останется только один продавец или хозяин. Они знают, что книги определенного сорта, например, сочинения по математике, лежат в задней комнате или на верхних полках. Они просят принести такую книгу, и, пока продавец лезет по лесенке или идет в другую комнату, сами хозяйничают на полках. Предлог не купить потом трактат по алгебре или тригонометрии всегда находится:

«Есть более новое издание... Вы мне принесли брошюру, а я бы хотел иметь книгу в переплете... и переплет мне бы хотелось другого качества...» И т. д.

Одна дама, ставшая едва ли не легендарной среди букинистов набережной – они называли ее Дама с зонтиком – придумала изысканный способ кражи: она прятала в зонтике, закрытом, но не скрепленном сверху ни лентой, ни резинкой, книги, которые приходились ей по душе; и ее выбор почему-то – трудная и неразрешенная загадка! – всегда падал исключительно на романы г-на Поля Бурже.

Другой, не менее известный персонаж, получил прозвище «Любитель первых изданий». Это был маленький хромой человечек, ходивший опираясь на роскошную трость с серебряной ручкой и никогда не расстававшийся с пухлым марокеновым портфелем. Он посещал те лавки, где рассчитывал найти первые издания лучших современных романов; когда приносили пачку книг, которые ему требовались (не меньше пятнадцати штук), он ронял трость. Продавец, желая услужить клиенту, да к тому же еще калеке, нагибался, чтобы поднять ее, и этой секунды хромому человеку хватало на то, чтобы спрятать пару книг в портфель, лежавший рядом на прилавке.

Есть вору настолько храбрые, что крадут в несколько приемов, сообразуясь с обстоятельствами, сочинения в 10, 15, 20 томах. Для книгопродавцев нехватка одного тома из собрания сочинений служит сигналом. «За ними еще придут, – говорят они себе, – кому-то захочется получить продолжение», и они удваивают внимание. Этот метод кражи маленькими порциями в чем-то схож с методом доктора-библиомана, чьи подвиги мы уже видели запечатленными в сонете г-на Феррио.

* * *

Надо отметить, что книжные вору принадлежат ко всем слоям общества.

Чтобы внушить доверие продавцу или просто попасть в лавку, не привлекая к себе внимания, нужно выглядеть прилично, иметь вид почтенного буржуа и казаться образованным: словом, книжные воры, как правило, должны выглядеть представителями средних слоев. Но, по общему и вполне понятному правилу, книгопродавцы опасаются покупателей слишком хрупкого сложения, даже летом не расстающихся с толстым широким пальто.

Впрочем, в наше время бедные и богатые, простолюдины и «господа», дамочки и «дамы», – все – более или менее – умеют читать и имеют право раскрыть книгу, лежащую на полке. А ведь ничто так не просится в руки или карман, как книга в 8-ю или 12-ю долю листа – уж не говоря о более мелком формате.

Есть мальчишки, специально натренированные для кражи книг, как для любого другого воровства, и действующие под наблюдением главаря банды. Один из этих «профессоров» или «капитанов» был недавно арестован возле Одеона: он регулярно устраивался в Люксембургском саду возле решетки, выходящей на улицу Медичи, и из этой засады наблюдал за своими воспитанниками, которые бродили среди лавок и мало-помалу снабжали его награбленным. Они не хватали первые попавшиеся тома и не стреляли из пушек по воробьям: начальник банды знал названия самых популярных книг и всегда был проинформирован о литературных новинках. Он и направлял своих людей по следу. Они крали то, что можно было легко и выгодно сбыть.

Среди сенсационных судебных процессов последних лет нельзя не назвать дело аббата Б..., преподавателя в одном из крупных учебных заведений Парижа. Не было книгопродавца или букиниста с левого берега, которым бы он не наносил частых и – увы! – небескорыстных визитов. Продавцы, которые в конце концов разгадали некоторые из его уловок и пожаловались своим хозяевам, едва не были уволены. Как можно подозревать столь уважаемое и столь священное лицо, да к тому же столь верного клиента!

К несчастью для него, аббат Б... – он, впрочем, скорее относится к категории воров, которые «крадут, но не продают», – увлекался еще и геологией и был пойман с поличным, когда пытался украсть образцы минералов; обыск у него дома раскрыл склад награбленного. Вскоре аббат Б..., бежавший из Парижа в Нормандию, был, как рассказывают, найден мертвым у подножия скалы.

Вспоминается и дело так называемого журналиста, который объявлял себя ведущим библиографический отдел в большой лилльской газете и под этим

предлогом получал от издателей все их новинки. Статьи, конечно, никогда не появлялись ни в лилльской, ни в какой бы то ни было другой газете. Этот жулик в конце концов был арестован в сентябре 1898 года: он происходил из весьма почтенной семьи и имел нескольких сообщников, которые, подобно ему, жили на средства от продажи книжных новинок. Но это – жульничество особого рода, касающееся только издателей и невозможное в магазинах и книжных лавках.

По мнению большинства розничных торговцев книгами, кражи учащаются в конце месяца, когда кошельки пустеют.

Букинисты и книгопродавцы, конечно, неумоимо обороняются и изо всех сил стараются отвечать хитростью на хитрость. Нашла коса на камень! Незаметные зеркала позволяют, находясь в глубине магазина, видеть то, что происходит среди полок. Между книгами проделываются крохотные оконца для наблюдения. Иногда продавец делает вид, что целиком поглощен чтением газеты, в которой проделано отверстие, позволяющее не упустить ни одно движение подозрительного покупателя. Чаще всего такие меры принимаются в ожидании завсегдатая, известного вора-профессионала. Ему устраивают ловушку, мечтая подстеречь его и раз и навсегда от него избавиться. Его вкусы известны, известно также, на каких полках он больше всего любит рыться, и ему специально подкладывают соблазнительную, аппетитную книжечку.

«Ты не пройдешь мимо, дорогой! Ты заглотаешь этот крючок!»

Некоторые хозяева книжных лавок платят своим служащим специальное вознаграждение за каждого пойманного вора. В знаменитой книжной лавке Д... на улице Суффло плата за каждого вора была 5 франков, а число ежегодно пойманных жуликов четверть века назад доходило в среднем до 35 или 40.

«Не считая других, тех, кто не пойман!» – гневно воскликнул однажды один из тамошних служащих.

Справедливости ради надо отметить, что, стремясь избежать утомительных визитов к комиссару полиции и в суд, всяческих допросов, протоколов и потери времени, многие весьма опытные книгопродавцы предпочитают не поднимать шума, а наградить грабителя несколькими оплеухами или пинком под зад.

* * *

Справочники, книги специального назначения, словари, ежегодники и т. д. – вот предмет мечтаний профессиональных воров. Особенно привлекает их

«Ежегодник Дидо-Боттена». Котируется и «Большой Ларусс». Не нужно пояснять, что книги такой толщины не унесешь тайком, под мышкой. Здесь надо действовать открыто. Некто покупает роскошно переплетенное издание, просит положить 17 томов вместе с двумя дополнительными в корзину, а корзину погрузить в экипаж.

— Не пошлете ли вы со мной одного из ваших служащих? Я заплачу дома.

— Ничего не может быть проще, месье.

Один из служащих усаживается в экипаж рядом с покупателем; по дороге тот рассказывает своему спутнику, что он – главный клерк у одного нотариуса, и купил «Ларусса» для своего патрона. Они доезжают до места. «Эта корзина слишком тяжела, один вы ее не донесете», – покупатель заботливо просит продавца подняться на третий этаж в контору («Вы моложе меня, мой мальчик!») – там надо спросить Теодора, и он поможет нести книги. «А я пока останусь в экипаже».

Не найдя наверху ни Теодора, ни нотариуса, ни конторы, служащий возвращается, но не находит уже и экипажа. Вместе с ним исчез и так называемый клерк – а главное, «Ларусс», все семнадцать переплетенных томов, и крепкая, совсем новая корзина. Служащему не остается ничего иного, как вернуться скрепя сердце в лавку и поведать о своих горестях хозяину.

Так как рассказанная история – подлинный случай, добавим, что корзина и ее содержимое были найдены через день в лавке одного из соседних торговцев: всегда известно, кто может купить ту или иную книгу и в каком направлении вести поиски.

Вес книг не всегда препятствует их краже и прямо на месте: свидетельство тому – господин, о котором до сих пор помнят в издательстве Ашетт. Он зимой и летом являлся закутанным в длинный плащ с пелериной и уже привлек к себе, по всей вероятности, заслуженные подозрения. В один прекрасный день он умудрился спрятать в подкладке своего плаща 12 томов «Географии» Реклю – весом более 40 килограммов; нельзя не отдать должное портному, сшившему ему плащ из такой прочной и стойкой материи.

Но еще лучший трюк проделан был много лет назад в книжной лавке на улице Суффло. Некто, не назвавший себя ни вначале, ни впоследствии, увидел однажды на полке словарь Литтре, пять переплетенных томов в отличном состоянии, по цене 80 франков. Ни одного продавца не видно, покупателей поблизости тоже нет, никто не наблюдает... Наш герой быстренько хватает

под мышку 5 томов, прячет в карман уличающую его этикетку с ценой и готовится бежать.

Но куда деваться с такой опасной ночью?

Ему приходит в голову мысль предложить Литтре тому самому книгопродавцу, в чьей лавке он его украл.

«Литтре? — говорит хозяин лавки, — он мне не нужен: у меня один уже стоит на полке... а два других в задней комнате».

Однако, чувствуя, что покупка может быть выгодной, он не прекращает беседу. Ведь если этот несчастный притащился сюда со здоровенными и тяжеленными книжищами, он, наверное, на мели и согласится на любые условия. С другой стороны, Литтре-то уж на полке не залежится...

«—А сколько вы хотите? — спрашивает он.

— Как можно больше, — храбро отвечает продающий.

— Я понимаю, однако... я не могу вам дать больше 30 франков. У меня уже есть целых три Литтре... Я это сделаю специально для вас...

— Сойдемся на 35?

— Нет, тридцать, не больше. Я же вам сказал, мне это вообще не нужно...

— Ну что ж, придется согласиться!

— Оставьте мне ваш адрес: я вам пришлю деньги на дом, как обычно это делается.

— Но... мне срочно нужны деньги... непременно!

— Ну ладно! Держите! У вас такой симпатичный вид!» Да и дело такое выгодное!

Можете мне поверить, что, получив свои 30 франков, «бедняга» не стал задерживаться, чтобы поблагодарить хозяина лавки за столь выгодную сделку, и тут же исчез — только его и видели. Но его не забыли, и «случай с Литтре» до сих пор служит предметом веселья среди книжных торговцев и любителей книг.

* * *

Несмотря на их частоту, книжные кражи — за исключением отдельных случаев — оказываются наименее выгодными из всех краж.

Кроме толстых «библиотечных» изданий большого формата, о которых мы только что говорили, кроме некоторых новинок и в особенности редких книг или изданий с гравюрами, библиофильских сокровищ, которые, как правило, надежно заперты на ключ в стеклянных витринах, украденные книги обычно продаются по мизерным ценам и не могут прокормить своего владельца.

Скидка в 60 процентов, о которой мы упоминали, уже давно превышена на оптовых распродажах или распродажах по случаю, где фигурируют краденые книги. Лет 15 назад одно из наших знаменитых издательств продало прекрасные книги в отличном состоянии со скидкой в 90 процентов. На тех же условиях проданась превосходная коллекция г-на Жуаста, одного из последних типографов старой школы, столь же образованного, сколь аккуратного и честного.

В таких условиях воровать книги – значит поистине подвергаться риску из-за пустяков. Господа профессиональные воры быстро убеждаются в том, что игра не стоит свеч, и покидают эту область.

Один из них, недавно пойманный со стопкой книг желтой серии, от которой он тщательно пытался избавиться, хотя бы по самой низкой цене, отвечал с негодованием комиссару полиции:

— Но, г-н комиссар! Это меня обворовали! Вот уже три часа я кручусь с этими книжонками, и никому они не нужны; три часа я здесь извожусь! Я говорю вам, обворовали меня!

Горькое и мучительное, но очень точное и бесспорное признание, над которым стоит задуматься всем коллегам и последователям неудачливого воришки.

Перевела с французского *В. Мильчина*